

3. Бодлер, Ш. Поэт современной жизни [Текст] / Ш. Бодлер // Бодлер Ш. Об искусстве. – М.: Искусство, 1986. – С. 283–315.
4. Бодлер, Ш. Салон 1846 года [Текст] / Ш. Бодлер // Бодлер Ш. Об искусстве. – М.: Искусство, 1986. – С. 61–129.
5. Бодлер, Ш. Школа язычников [Текст] / Ш. Бодлер // Бодлер Ш. Об искусстве. – М.: Искусство, 1986. – С. 13–134.
6. Лосев, А.Ф. Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления [Текст] / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – С. 731–792.
7. Миллер, Г. Тропик Рака [Текст] / Г. Миллер. – М.: Терра, 1994. – 320 с.
8. Уваров, П.Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого [Текст] / П.Б. Уваров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 3. – С. 54–68.
9. Уваров, П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции [Текст] / П.Б. Уваров. – М.: АИРО-XX, 2005. – 200 с.
10. Уваров, П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции [Текст] / П.Б. Уваров: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2010. – 49 с.
11. Уваров, П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса [Текст] / П.Б. Уваров // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апреля 2008 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 44–63.
12. Уваров, П.Б. Поведение современного человека: историко-антропологический этюд [Текст] / П.Б. Уваров // Социум и власть. – 2012. – № 5. – С. 127–130.
13. Уваров, П.Б. Проблема современного исторического познания [Текст] / П.Б. Уваров // Проблемы российской истории. – 2002. – № 1. – С. 46–58.

**А.П. Янков**

Тюменский государственный университет

### **ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ УММЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Антитеза традиционному (закрытому) обществу – открытое и, прежде всего, в отношении к возможности его изменчивости. На этом фоне теория модернизация, «кочующая» по трудам части отечественных исследователей как «единственно верная», очень напоминает «принцип диалектического материализма» моей научной молодости (без упоминания которого защита любой диссертации откладыва-

лась). Между тем, традиционное общество, говоря словами А.С. Ахиезера то, «где традиции дедов важнее, чем традиции отцов». Поэтому, полагаем, теорию модернизации возможно применять, но в отношении ряда сообществ весьма осторожно, в большей степени говоря о трансформации.

Попробуем это показать на примере исламской уммы Западной Сибири периода развитого Средневековья, когда его положение здесь упрочилось в массовом сознании, а институты оформились.

Западную Сибирь как историческое и культурное пространство можно охарактеризовать, опираясь на аспекты абсолютности и относительности, конечности и бесконечности, прерывности и непрерывности процессов, а также гомогенности и гетерогенности населения.

При изучении средневекового общества Ключевым подходом важно выделить историко-культурный и антрополого-географический аспекты. Поскольку необходимо обратить на особенности региона, где сибиряк выживал, неукоснительно следуя законам суровой природы, почитал её, органично включая в образы сибирского ислама.

Представление же о мире формировалось у него на противопоставлении сакрального и профанного в контексте определенных природных, социальных и политических пространств. И эти сферы имели взаимодополняющий характер. Поэтому местная специфика ислама сложилась не только под влиянием пришедшего из Центральной Азии и Поволжья суннизма, но и предыдущих архаичных верований, образовав в итоге синкретизм / синтез / контаминацию [4, с. 133–140; 5, с. 149–205].

Избранный подход к особенностям и механизму функционирования сибирского ислама в условиях традиционного общества определяет это явление как систему и единственно реальную, объективную форму, которая отражает представления и потребности конкретной общности людей, сформировавшиеся в условиях региона [22, с. 313–317].

Нестабильность мира, как полагал И.Р. Пригожин, вообще приводит к «новой рациональности» [15, с. 46]. Полагаем: ислам в Сибири в период развитого Средневековья также можно уподобить сложной неравновесной открытой системе, которая от беспорядка эволюционировала к порядку, от неустойчивости – к равновесию, от непредсказуемости – к логике и т.д.

Всякая же открытая система обладает внутренним потенциалом развития, который реализует из нескольких возможных вариантов именно тот, что отвечает на «вызов» времени. Этот путь может оказаться обманчивым. Тем не менее, исторический процесс, преодолевая случайные флуктуации в точках бифуркации, возвращается к определённой траектории развития [10, с. 25].

Конечно, линейно-эволюционные подходы к исследованию сибирского ислама способны дополнить синергетический подход. Однако в этом случае за «пределами» остаётся индивидуальность мусульманина, границы поведения которого определялись моральной установкой: «человеку Аллахом завещано жить при семье, при родне и друзей иметь», или предостережением: «Аллах просто так человека не накажет. Знать есть за ним грех тайный».

Традиционное общество, где строго соблюдались обычаи, нормы и ритуалы, передающиеся из поколения в поколение, очерчивало границы «недопустимого», в т.ч., и невозможность для индивида жить вне социума (конечно, малое число источников раннего периода сводит на нет все попытки реконструкции социальных настроений сибирской уммы и трансформационных явлений в ней), но очевидное – проявляется.

Социокультурный подход вскрывает объективное единство социального и культурного в мире и религиозной системе, но не охватывает, как представляется, всю совокупность личностных и региональных факторов, способных изменить теоретические схемы «линейной модернизации».

К анализу сибирских процессов (в какой-то мере) применительна и концепция евразийства как «методологического обоснования полицентризма и многолинейности социально-исторического процесса, идеи параллельного сосуществования и развития различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты» [14].

В качестве примера возможности (или невозможности) применения теории модернизации (или трансформации) попробуем разобрать тезис об урбанизации. Прежде всего, сложно само определение традиционной «городской культуры» в отношении средневековой Сибири<sup>2</sup>,

---

<sup>2</sup> В силу специфического уклада хозяйства в тот период подобного разделения могло и не быть. Кроме того, перенесение европейских понятий *город* и *город-*

исходя из того, что в доиндустриальных обществах быт и производство нераздельно связаны друг с другом, для описания жизнедеятельности людей в таких обществах правомерно использовать более широкую категорию – «уклад жизни». Одним из основных отличий городского быта от жизни людей в традиционно-аграрном обществе является чёткое разделение в пространстве и времени производственной и внепроизводственной сфер [11, с. 282].

В Средневековье среди местных тюрков часто бытовало расширенное понятие *Иске юрт* (сиб. татар.)<sup>3</sup>, означая старый народ / улус, а также часть деревни и первородная почва. Лексема юрт, соответственно, может трактоваться как постоянное, и как мобильное поселение. Это отражает нестабильность системы расселения и сакрализации родного пространства. Объясняется это и тем, что земля не имела для кочевника и промысловика того сакрального значения, каким обладала для земледельца. Ему важно пастбище для скота, и лишь на сезон.

По мере формирования оседлого населения (происходило достаточно поздно по сравнению с Поволжьем и Бухарой) земля и поселения на ней обретали иное мифологическое содержание. Иногда заимствованное и труднообъяснимое. Так, неофициальное название основанных, предположительно в 1685 г. ю. *Чечкинских*<sup>4</sup> – *Тархан-Кала* (от араб. قلعة / qal'a – крепость, крепостная стена)[1], хотя стен у поселения никогда не было.

Условия возникновения подобных поселений на Руси, в Западной Сибири или Центральной Азии имели различную основу. Хотя, заметим, имеется и альтернативное мнение [13, с. 93].

Для одних характерно наличие более развитого ядра (центра) и тесно связанной с ним периферии, которая выполняла защитную функцию. Другим присуща иерархическая система оседлых поселений как

---

*ской быт* на сибирское «поле» выводит за рамки исследования население Ялуторовска, Тары, Кузнецка даже в XVIII в.

<sup>3</sup> Синонимом в ряде случаев является тюркское *иль* / *эль*. В русских источниках XVII–XVIII вв. *юрт* употреблялся для обозначения как политических образований, так и экстерриториального объединения родового характера. Сохранялось и позднее для обозначения пространств кочующих шорцев, якутов и др. Распространён и по Прииртышью, вплоть до Обской губы.

<sup>4</sup> Происхождение связывают с именем первопоселенца – «старика Чичику», тогда как составная др. названия – Тархан связано с особой категорией населения, наделенной т.н. тарханными привилегиями, включая освобождение от ясака.

главных центров сбора податей. Третьим – инновационная (для своего времени) структура, включая организацию переработки сырья и ремесленного производства.

Возникает вопрос: были ли в Сибири города до появления русских (заметим, что согласно городovým летописям, освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с основания первых русских городов)? [16, с. 96] И если да, то способствовал ли ислам урбанизации, как это происходило в Центральной Азии, Крыму и Волжской Булгарии? Возможно ли рассматривать историю возникновения и развития поселений как целостный однолинейный процесс? [1, с. 185].

Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества [2; 3; 6; 8; 9], но ещё Платон в V–VI вв. до н.э. обозначил линейную схему его развития: пастухи → крестьяне → горожане. Исторический же материализм в качестве основания для периодизации определял уровень развития производительных сил. Подобное деление, по мнению Л.Е. Гринина, учитывало в большей степени производственные отношения и формы собственности на средства производства [7, с. 7].

Классическая – зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом городов, отличающихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, живущего по иным нормам и признающим права личности и собственности.

Эти объективные для Европы причины нельзя механически переносить на средневековую Сибирь. Здесь отсутствовало жёсткое деление на горожан и селян: «туралы / туралинцы» [18, с. 328] занимались сельским хозяйством (в т.ч. отгонным скотоводством), торговля слаба, как и купечество (а это элита, способная к самоорганизации и инновациям). Потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами, а нехватки земельных площадей вообще не существовало.

Конечно, возникавшие системы хозяйствования обеспечили базовые потребности многих, способствуя формированию социума, который сам решал свои задачи. Природа и генезис местных поселений (городков) весьма отличается от западноевропейских, восточнославянских и поволжско-тюркских, в основе которых лежали задачи подчинения пространства, политические и охранительные, а также торгово-ремесленные функции. Подобные центры возникли в такой социальной и демографической ситуации, когда организация общества стала настолько

сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без каких-либо координирующих центров стала невозможной [17, с. 49; 19, с. 29; 21, с. 58; 21, с. 6]. Эти обстоятельства отражены в мифопредставлениях сибиряков о *первородной почве* и точно соотносятся с синергетической моделью понимания исторических процессов.

Появление городков и становление государственности раннего типа не вызвало быстрых перемен в идеологической надстройке в политиях и самом сообществе Западной Сибири периода развитого Средневековья. Более того, создав поселение, сибирский социум не брал ответственность за его функционирование в будущем: линейная система (теория) модернизационного развития, присущая европейским городам, здесь не применима.

#### **Библиографический список**

1. Алишина, Х.Ч. Названия селений сибирских татар (на материале Тюменской области) [Текст] / Х.Ч. Алишина, Г.М. Ниязова. – Тюмень: Экспресс, 2004. – 197 с.
2. Альтернативные пути к цивилизации [Текст]: кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина и др. – М.: Логос, 2000. – 368 с.
3. Барг, М.А. Эпоха и идеи: становление историзма [Текст] / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 354 с.
4. Белич, И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар / И.В. Белич // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири [Текст] / И.В. Белич. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ин-та, 1989. – С. 133–140.
5. Валеев, Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт [Текст] / Ф.Т. Валеев. – Казань: Татарское книжное из-во, 1993. – 243 с.
6. Вико, Д. Основание новой науки об общей природе наций [Текст] / Д. Вико. – Л.: Наука, 1940. – 540 с.
7. Гринин, Л.Е. Периодизация исторического процесса [Текст]: автореферат дис. ... к. филос. наук / Д.Е. Гринин. – М., 1996. – 28 с.
8. Грин, В.А. Периодизируя Всемирную историю / В.А. Грин // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макро социологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории [Текст] / В.А. Грин. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 133–148.
9. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 557 с.
10. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть [Текст] / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 636 с.
11. Историческая энциклопедия Сибири [Текст]: в 3 т. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 3. – 734 с.

12. Катанов, Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке [Текст] / Н.Ф. Катанов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 5. – 1895–1896.
13. Матвеев, А.В. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории [Текст] / А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров. – Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2012. – 260 с.
14. Орлова, И.Б. Контуры современной евразийской концепции [Электронный ресурс] / И.Б. Орлова. – Режим доступа: <http://www.ispr.ru/Confer/EuroAsia/confer9-1.html>.
15. Пригожин, И.Р. Философия нестабильности [Текст] / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 45–54.
16. Резун, Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века [Текст] / Д.Я. Резун. – Новосибирск: Наука, 1982. – 220 с.
17. Соболев, В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) [Текст] / В.И. Соболев. – Новосибирск: Наука, 2008. – 360 с.
18. Томилов, Н.А. Татары сибирские // Народы и религии мира: энциклопедия [Текст] / Н.А. Томилов. – М., 1999. – С. 520–522.
19. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси [Текст] / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 269 с.
20. Халиков, А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии [Текст] / А.Х. Халиков. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – С. 47–60.
21. Хузин, Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города [Текст] / Ф.Ш. Хузин // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения [Текст] / Ф.Ш. Хузин. – Казань, 1993. – С. 5–32.
22. Ярков, А.П. О некоторых подходах при изучении феномена сибирского ислама [Текст] / А.П. Ярков // Многофункциональность в науке: материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 313–317.